

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
НОЯБРЬ 2019 г. ● № 11 (277) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ
Издается редакцией и Союзом писателей России

Александр БОБРОВ

Каренин с дремлю в Год театра

Театр или палата №6?

Нельзя плевать в алтаре,
а потом молиться там же,
на заплыванном полу.
К. Станиславский

Эти слова Константина Сергеевича, как и некоторые другие его высказывания, отталкиваются от заветов почитаемого им Щепкина, великого русского актера с Полтавщины. Михаил Семенович любил повторять: «Театр для актера – храм: священнодействий или убирайся вон». Эти слова и сегодня украшают вход в Щепкинское училище. Но беда в том, что студенты после выпуска, а то и раньше, попадают в иную культурную реальность.

Итак, 28 апреля 2018 года Путин подписал указ «О проведении в Российской Федерации Года театра». Конечно, театральные проблемы в столь важной сфере надо решать и без указа президента, но, как сравнил главный инициатор этого предложения – председатель Союза театральных деятелей, народный артист Российской Федерации Александр Калыгин: «Одно дело, когда ты лечишься на дому, другое дело в стационаре». Лишь бы сам стационар не превратился в коллективную «Палату №6». В Москве примерно 100 государственных и муниципальных театров, из которых 88 подчинены городскому правительству и 12 – федеральному. По данным Главного информационно-вычислительного центра минкультуры Москва на содержание московских театров выделила накануне объявления Года театра около 9,4 млрд. рублей. Что касается 20 федеральных театров, то министерство в качестве госадаминистрации выделило на них около 15 млрд. руб. Причем эти средства составляли всего около 65% общего бюджета федеральных театров, остальное – их доходы от основной и предпринимательской деятельности, а также спонсорская помощь. Думаю, что теперь эта сумма только увеличилась, так что деньги на зависть другим творческим сообществам – есть. Как сказал поэт, твори, выдумывай, пробуй. Но творят такое...

В разговоре с журналистами, рассуждая о проведении в России Года Театра, Александр Калыгин благодарно рассказал о своей идее ввести в школьную программу какой-либо театральный предмет. Он был уверен, что введение такого предмета поможет детям более глубоко изучить отечественную культуру и русский язык, на котором писали наши великие классики, понять мысли авторов произведений: «А знаете ли вы, что офицеров, учащих в Академии Генерального штаба до революции просто обязывали посещать театр, особенно постановки Станиславского? Почему, спросите вы? Да потому что Станиславский очень бережно относился к русскому языку. Его спектакли помогали будущим генштабистам освоить все нюансы нашего великолепного языка. Это очень помогало им в их нелегкой службе».

Не дай бог нынешних генштабистов водить в московские театры – там и без того творится неизвестно что: начальнику войск связи генерал-полковнику Халилу Арсланову, одновременно являющемуся заместителем начальника Генерального штаба, предъявили обвинение в причастности к хищению 2,2 млрд. руб. – двенадцатая часть государственных субсидий на ВСЕ театры необъятной России. Вот масштабы личного воровства! А если бы он ходил на нынешние спектакли?

Например, Юрий Грымов вопреки мечтаниям Калыгина, доказал, что можно испохабить и обесмыслить даже великолепный текст. Бывший пиарщик поставил спектакль «На дне» в московском театре «Модерн», худруком которого он

является уже третий год. Он переносит действие пьесы в роскошный особняк, городит на сцене соответствующие интерьеры, одевает героев в модные костюмы и при этом – не изменяет ни одного слова пьесы, только сокращает ее до полутора часов. Но и этого хватает, чтобы обесмыслить драму: спектакль распыляется на части, теряет смысл и оставляет тягостное впечатление. Правда, некоторые «продвинутые» критики вкряют что-то о клиповости мышления режиссера (как известно, одно время Грымов снимал рекламные ролики и музыкальные клипы), но обычная публика, особенно та, что понятия не имеет о горьковской пьесе, откровенно мучается. И никакие режиссерские приемычки не могут ее взбодрить.

Да, современные костюмы и неподходящая музыка в постановках классики – это уже банальность. Грымов же пошел дальше, и вот уже носитель одной из главных идей пьесы – «Добренский» старичок Лука – превращается в... массажиста-стилиста, фитнес-тренера и психотерапевта в одном флаконе. Этот смазливый юноша с характерными ужимками, в белой майке и в джинсах с поясом в стразах кощунственно доносит до ошарашенной публики слова, которые Горький предназначал совершенно для другого типажа. Маразм! – великие слова изречаются и обесцениваются.

Так, может, не стоило картинно клаться в любви к классике и говорить, что текст Горького «для меня – святое», а сделать так, чтобы хоть кто-то в зале – школьники или военные – поняли, о чем эта пьеса. Хотя даже те образованные зрители, кто знал, о чем пьеса, не поняли, о чем спектакль. О комплексах самого Грымова?

В октябре состоялся Всемирный Русский Народный Собор по теме «Народосбережение – настоящее и будущее России». Чудесное предложение сделал всем гражданам России лидер фракции «Единая Россия» Сергей Неверов. Он предложил переезжать в деревню, поближе к земле – тогда и рождаемость повысится: «Нужно поддержать появившуюся в хорошем смысле моду уезжать в сельскую местность, заводить фермерское хозяйство, работать на земле».

Маленький вопрос: ну, мы все переедем в деревню, а кто, к примеру, в Москве и Питере будет жить в многочисленных высотках окно в окно, в этих унылых спальных микрорайонах без парков и соцобъектов, в Новой Москве, губительный указ о которой подписал начальник Неверова Дмитрий Медведев? Не в этом главное спасение, а в здоровой экономике и в умной социокультурной политике! Какое «сбережение» в экономике потовыжимания, погоня за прибылью любой ценой и рабского труда?! Знак был просто Собору: накануне в 4 утра прорвало дамбу в Красноярском крае и затопило 72 человека – бедолаг разной национальности, работавших на хозяев за кусок хлеба: золотишко полулегально мыли – 17 жертв не уберегли. А что творится в культуре – нагляднее всего показал Год театра с его скандальными и пошлыми премьерами.

Самый отвратительный спектакль, на мой взгляд, – «Серёжа» в МХТ сына умной театральной критикессы Дмитрия Крымова. С ним носятся как с писаной торбой, он даёт вялые интервью по ТВ, сидит в жюри, и вот – взялся за лучший роман мировой литературы, как считают многие, – «Анну Каренину». Постановка, от которой плюются даже билетёрыши, демонстрирует не только пренебрежение к нашему национальному достоянию, каким является Лев Толстой, но и цинизм, унижение всего женского рода вообще, а ведь семья и тайна рождения начинается с любви!

(Окончание – стр.3)

Пушкин отвернулся бы... А уж Лев Николаевич и подавно

Русские мысли Татьяны Глушковой

К 80-летию со дня рождения поэта и публициста

В предисловии к первому посмертному изданию стихотворений Татьяны Глушковой «Не говорю тебе прощай...» (М.: Молодая Гвардия, 2002) известный писатель и критик Валентин Курбатов отмечает, что она удерживала в своем творчестве «классическую традицию и народность на должной их русской высоте». Думается, эта особенность таланта Татьяны Михайловны, обладающей твердым бескомпромиссным характером, обернулась для нее весьма драматично. Неслучайно, она запомнилась нам непримиримой, непредсказуемой, своенравной и вдохновенной. Запомнилась тем, что не давала своим современникам почитать на лаврах. От неизбежных при этом наветов, гонений и непонимания ей приходилось искать убежище в русской и мировой классике. Поэтому неудивительно, что в день своего рождения 21 декабря 1977 года, она пришла в Центральный дом литераторов, где в Большом зале открылась дискуссия под мирным, казалось бы, названием «Классика и мы». Эта дискуссия имела для Глушковой столь значительные, если не сказать роковые последствия, что умолчать о ней здесь невозможно. Дело в том, что выхода из данной дискуссии, по сути, вылившейся в противостояние сторон, у нее в дальнейшем не будет. Более того, приходится признать, что продолжением этой литературной баталии станет расстрел Белого Дома, о чем Татьяна Михайловна напишет в своих лучших стихах.

То, что прозвучало на той, судя по всему, эпохальной дискуссии, всячески искажалось и замалчивалось впоследствии. Вот почему надо выразить признательность Сергею Станиславовичу Куняеву за составление материалов об этом событии в книге «Классика и мы», вышедшей в московском издательстве «Алгоритм» в 2016 году. В итоге этой публикации проявилось многое из, казалось, навсегда утраченного. Самое удивительное, что писательская дискуссия, проведение которой предполагалось ограничить одним вечером, неожиданно приобрела мажоритарный масштаб и глубину. Произошло это во многом благодаря вступительному слову Петра Васильевича Палиевского (1932-2019).

Он особо отметил, что в классике заключены все ценности живого мира, вследствие чего она не устаревает во времени и неизбежно, из поколения в поколение, питает души людей. Напротив, авангард, не имея своих корней, своего внутреннего содержания, цепляется за классику и пытается ее интерпретировать на свой примитивный лад. При этом вопрос об истинном признании классики невидимо снимается и заменяется плакатностью. Так, под видом новаторства осуществляется тайнство вероломного выхолащивания национальных творений при прямом и безнаказанном нарушении всех авторских прав усопших, но в то же время бессмертных писателей. По существу, эту заложенную в подтексте выступления Палиевского мысль поддержал в ходе дискуссии Семен Машинский, напомнив слова Н.В. Гоголя о том, что в литературном мире нет мертвых.

В своей речи Палиевский показал, что сама природа авангарда, созданного для «умелого захвата общественного мнения» с целью управления людскими массами, в корне враждебна классической культуре. Аргументированных возражений не последовало. К слову, это была отнюдь не первая победа Палиевского. В 1966 году в журнале «Знамя» № 4, он опубликовал статью «Мера научности», где начисто разгромил авангард, нахально претендующий на замену собою якобы устаревшей классики. Эта статья привлекла внимание величайшего мыслителя XX века Алексея Федоровича Лосева (1893-1988). По словам его соратницы Азы Алибековны Тахо-Годи: «Петя Палиевский вошел в круг самых близких Лосеву друзей». Все вышесказанное объясняет, почему именно Палиевскому было предоставлено вступительное слово.

Вслед за ним речью Станислава Юрьевича Куняева прозвучала как гром среди ясного неба. Он призвал не считать русской классикой античеловеческие стихи, и в первую очередь Эдуарда Багрицкого. Его тут же обвинили в субъективности и предвзятости Анатолий Эфрос, Евгений Евтушенко, Александр Борщаговский, Евгений Сидоров. Поддержали Палиевского и Куняева Вадим Кожин, Михаил Лобанов, Юрий Селезнев, Сергей Ломинадзе, Вячеслав Куприянов. Разгорелись нешуточные прения. В них мог бы принять участие и ровесник века Олег Васильевич Волков, который едва ли не тридцать лет провел в сталинских лагерях и ссылках. По свидетельству Вадима Валериановича Кожина, именно Волков первым в узком кругу озвучил идею проведения дискуссии «Классика и мы». Однако в то время у него была репутация «недобитого барина». Естественно, что он остался в тени.

Среди рухнувших к микрофону была Татьяна Глушкова. Она слова ей не дали. Тем не менее, она не остыла, и по горячим следам дискуссии написала весьма обширную статью «Традиция – совесть поэзии». Эта тема рассматривалась ею на том основании, что любое обсуждение поэзии между критиками так или иначе сводилось к разговору о традиции, которая то и дело предстает глубоко спорной «туманностью». «Читая нашу критику», – сетует Глушкова, – совершенно невозможно понять, хоть приблизительно, сколько у нас поэтических традиций». По ее мнению, получалось «слишком уж много! Неограниченно много». Исходя из такого положения, она приходит к мысли о невыясненности самого понятия традиции в литературе. Более того, исследуя аномалию множественности традиций, Татьяна Михайловна невольно открыла широкую, впечатляющую панораму весьма противоречивых процессов, происходящих в русской литературе и особенно в поэтической сфере. Такое положение, скорее всего, указывает на скрытое наличие в обществе системы ложных маяков, приводящих к хаосу мнений.

(Окончание – стр.5)

За вагонным окном проносятся серые облака, сплошь затанувшие небо. Пасмурно, полутемно. День – одно название, что день. Деревья давно уже сбросили листву, она покрывает землю бурым месивом. Тёмно-зелёные ели выглядят настороженно и хмуро в окружении чёрного кустарника, напоминающего колючую проволоку. Всё это снова и снова возникает за вагонным окном – и снова и снова уносится мимо, вдаль. Чтобы снова и снова выскочить за окном сидячего вагона поезда Москва – Воркута.

К нам подходит женщина в бордовой куртке. – На Шиес едете? – обращается она к Михаилу, на груди которого значок с надписью «Шиес. Ни шагу назад!».

– Да. Женщина протягивает Михаилу купюру. Тысяча рублей. Она ничего не говорит больше. Михаил говорит ей: – Спасибо!

Полчаса. Час. Время тянется невыносимо медленно. Кажется, что оно вообще остановилось. За вагонным окном всё то же мельканье серого, тёмно-зелёного, чёрного. Серого, тёмно-зелёного, чёрного... Бесконечное мельканье серого, тёмно-зелёного, чёрного...

Но ничто не может быть бесконечным.

Разноцветная мозаика флагов на самодельных флажштоках за окном! Станционное здание. Высокие груды щебня. Люди, машущие поезду руками с вершины одной из этих груд. Гудок электровоза. Ещё один, ещё, ещё! – Сюда не зарастёт народная тропа, – говорит Александр.

Шиес остаётся позади. Нам нужно выйти здесь, но мы не можем. Решением РЖД на этой станции отменена остановка поездов. Обычных, по крайней мере. Сходить с поезда нам придётся в двадцати километрах отсюда, в Мадмесе. Это уже территория Коми.

В Мадмесе нас никто не встречает. Моросит холодный дождь. Мы грохаем рюкзаки на землю, Александр берётся за мобильный телефон. Но буквально через пару минут к перрону подруливает «буханка».

– Заправляться ездил, – объясняет водитель, пожимаая нас руки. – Не рассчитал малость.

И тут же начинается разговор о недавнем событии – прорыве бензовоза на Шиес. – А сопроводение-то! – говорит водитель. – Четыре машины ОМОНа! Воюки! Все в масках, б... И сам замминистра Коми с ними!

– Это замминистра внутренних дел? – Ну да! – Тоже в маске? – Не, тот без маски. – Карнавальную надо было ему надеть, – говорит Михаил.

– Да уж... Главное, мы их с севера джалили, а они помаячили на севере, и ночью двинулись югом. Урдумо оцепили, газовиков «построили», всё рассчитали!

– А как такое вообще возможно? – спрашиваю я. – ОМОН из Коми на территории Архангельской области?

– А у нас тут, б..., всё возможно. – Но официально куда-то. Примерно через полчаса. – Скажи, – «проводится операция».

– Какая именно? – Какая – не сказали. Операция.

Грузимся в «буханку». К нам присоединяются мужчина с собакой на поводке и молчаливый парень с обтрёпанной «одноразовой» сумкой вместо рюкзака. Через некоторое время, показав чудеса преодоления размытой дождями грунтовой дороги, «буханка» останавливается.

– Пересадка! – сообщает водитель. – Дальше на «Зырянине».

Я с изумлением смотрю на невиданное мною доселе транспортное средство. Больше всего оно похоже на болышущий металлический почтовый ящик, взгромождённый на четыре колеса от «БЕЛАЗа». Мы передаём рюкзаки забравшемуся внутрь Михаилу и забираемся в металлическое нутро вездехода сами.

– Солидная техника! – говорит Александр, устраиваясь рядом с водителем.

– В Усинске делают.

– А движок какой?

– Вазовский. Захочешь – любой могут поставить. Держись крепче.

Напоминание не лишнее. Дорога – аж собаку начинает тошнить. Такое ощущение, что мы не едем, а карабкаемся куда-то. Примерно через полчаса выгружаемся у железнодорожной насыпи. В непролазную грязь, которая с первого же шага принимается измерять высоту наших резиновых сапог. Чавк, чавк, чавк... Пока сапоги, к счастью, выше.

Поднимаемся на насыпь. Первое, на что обращается внимание – громадные груды щебня вдоль неё. На одной из груд два человека в ярко-зелёных дождевиках. Рядом с ними красный флаг, воткнутый в щебень. Люди приветственно машут нам руками, мы машем в ответ.

И тут же – словно из ниоткуда возникнув – перед нами оказываются две фигуры в чёрном. Лица закрыты «балаклавами». Сотрудники ЧОП. Мы молча проходим мимо них. Одна из фигур поднимает руку, в руке небольшая видеокамера. Она неспешно нацеливается на нас всех по очереди: на Александра, Михаила, другого Александра, Юрия. И на меня.

Это действие выглядит каким-то зловещим ритуалом. Жутковато. Хочется показать объективу камеры язык. Но я напоминаю себе, что здесь, на Шиесе, не место мальчишеским выходкам. Здесь людей задерживали, штрафовали, избивали. Здесь – всё всерьёз.

Шиес Валерий ЧУБАР

Очерк

Огибаем станционное здание из силикатного кирпича, прохода мимо ещё нескольких фигур в чёрном. И направляемся к флагам на высоченных самодельных флажштоках. Их множество – флаги разных стран, разных русских городов, разных партий. Совсем рядом друг с другом Спас Нерукотворный и флаг ВЛКСМ с ленинским профилем.

А за флажштоками – палатки всех видов (от маленьких летних до многоместных зимних), балки, сарайки, нетканка, брезент, фанера, полиэтилен, доски. Железные трубы, из которых идёт дым. По сути – целый своеобразный город.

– Пост «Ленинград», – говорит мне Александр. Он, в отличие от меня, уже бывал раньше на Шиесе. Потому и встречаю его радостно, как старого друга. Радужно встречают и всех остальных.

– Хорошо, что приехали! – улыбаясь, говорит невысокая женщина. – А то народу сейчас маловато.

– Сколько?

– Человек тридцать. С вами – уже почти сорок.

– Сегодня четверг, – говорит Александр. – В выходные наверняка люди подтянутся.

– Конечно!

Относим рюкзаки в одну из палаток. Внутри палатки не замёрзшем. Палатка рассчитана на четверых, но я по походному опыту знаю, что поместиться в ней смогут и пятеро, и шестеро человек. А при необходимости и больше.

– Чем я могу быть полезен? – спрашиваю Александра.

– Дело найдётся. Печки топить, воду носить...

– А воду откуда здесь носят?

– Привозят: через пост «Костёр». Потом флягу на двадцать литров в рюкзаки – и пошёл. А так-то колодец есть в лесу.

– На посту «Крепость», – уточняет Михаил.

Пост «Ленинград», что вполне очевидно, центральный – он самый большой и непосредственно граничит с позициями сотрудников ЧОП. Я ловлю себя на мысли: городок активистов на первый взгляд напоминает нечто вроде бразильских фавел: лепящиеся друг к другу сараюшки, «удобства во дворе», вездесущая грязь под ногами... Припоминаю, как в интернете активистам эпизодически на эту грязь: дескать, боретесь против свалки, а сами-то... Но за первым взглядом следует второй – и видишь, а точнее не видишь под ногами ни единого полиэтиленового пакета, ни единой консервной банки, ни единого конфетного фантика. Мусор здесь тщательно убирают, сортируют, вывозят. Городок активистов выглядит хаотично, однако организовано всё толково: дай бог в любом городе так организовываться, как люди смогли

здесь, посреди тайги. И не грязь под ногами, а болотистая таёжная почва. Которую непрерывно заливают в эти осенние дни дожди. Какого комфорта тут требовалось?

Постепенно начинаю ориентироваться: вот жилые территории, вот генератор и склад топлива, продуктовый склад, костровая зона, мусорная

площадка, умывальник и туалеты (мужской и женский – отдельные строения), кухня, столовая. Столовая одновременно является ещё и своего рода штабом. В данный момент тема номер один – прорыв бензовозов.

– Как это они шли вдоль газопровода?! Бензовозы! Ночь! А там «нитки» старые – случись что...

По закону...

– Да е... они законы!

– В четыре часа утра! Двадцать второго июня, ровно в четыре часа...

– Вот ведь злыдни! Всё спланировали! Людям пятнадцать минут не хватило. В Урдуме спохватились – поздно...

– И интернет в Урдуме отрубил!..

– В четыре часа утра...

– Ещё отнемыти им раздаться...

– Грамотно действовали, заразы! А ОМОНа-то сколько – целое войско...

– Ну, и что? И показали, что против нас целое войско нужно! Силовики, б... Всем теперь ясно, для чего эти силовики...

– Стравливают Коми и Архангельск...

– Ещё «операция» у них...

– АТО что ли?..

– АТО? А до чего они дойдут таким манером?..

– На сколько им топлива теперь хватит? На пару месяцев?..

– На три точно. Два бензовоза и прицепная цистерна. До конца января. А там зимники. Время тянут...

– Ну, хоть от вертолётов они отказались...

– Деньги считать начали – пришло, значит...

– ОМОН дешевле купить, конечно, чем вертолёт...

– Как в глаза-то людям будут смотреть?..

– А чё им смотреть, у них маски!..

Я грею озявшие руки у металлической печки, стоящей в столовой. Похожие печки во время Великой Отечественной войны называли «буржуйками». Думал ли я о том, что буду греть руки у «буржуйки» в Ленинграде? Слово страницу истории переписали назад.

– Из «Левого блока» здесь сейчас есть кто? – спрашивает приехавший с нами парень.

– Мы тут блоками не интересуемся.

– Только если бетонными...

Темнеет. Освещение есть: генератор работает. Но налобный фонарик, стоит сделать шаг в сторону от «Ленинграда», тут же оказывается предметом первой необходимости. Под ногами грязь, с неба – дождь, лучи фонариков мечутся, скользят в холодной, влажной тьме.

– Мне в поезде деньги дали, – говорит Михаил.

– Завтра из Урдумы завхоз приедет, ему отдашь.

– Продукты кому отдать? – спрашиваю я.

– А что привёз?

– Сухари, тушёнка...

– На кухню отнеси.

На кухне готовится ужин. Две женщины хозяйничают у кастрюль и котлов: здесь и печка, и электроплитки. Вся кухонная утварь разнокалиберная, с борю по сосенке.

В столовой – в штабе – составляют график дежурств на постах. На посту «Гора» дежурные меняются каждые два часа, поэтому людей нужно много. Мы с Александром записываемся на дежурство с четырёх до шести утра.

Рядом со мною неромко переговариваются между собой юноша и девушка. Язык, похоже, польский. Двое мужчин утомительно долго обсуждают итоги сентябрьских выборов в московском Кунцево, в которых один из них, надо понимать, принимал участие, и, надо понимать, проиграл. Надо понимать, незаслуженно.

– Посуду моем за собой! – командирским голосом напоминает женщина с рацией в руке. И добавляет столь же строгим тоном, обращаясь сразу ко всем присутствующим:

– Закон «Ленинграда» помните?

– Это насчёт спиртного? – уточняет я.

– Вот именно!

– Пьяный на войне – хуже врага, – говорит кто-то, возясь у печки. – Про речку Пяну не забывать надо.

– Когда татар проспали?

– Ага. Когда ж это было-то...

– В 1377-м году.

– Точно.

В половине четвёртого просыпаюсь: мобильник Александра сигналил прямо в ухо. В палатке тепло – печка-«пошехонка», которая топится дровесными брикетами, греет доброосветно. А вот едва выбираешься из палатки – дрожь сотрясает тело. Двигаться, двигаться! Умываюсь ледяной водой из рукомойника. Ночь. Капли дождя непрерывно летят с тёмного неба. Флаги хлопают, бьются на ветру.

Глотнув кофе в столовой, надеваем ярко-зелёные дождевики и выходим под дождь, который становится всё сильнее. Шагаем к станционному зданию. У Александра шаги широкие, я едва поспеваю за ним. Впереди маячат фигуры в чёрном.

(Окончание – стр.3)